

Новые независимые государства Центральной Азии: проблемы безопасности, внешнего сотрудничества и партнерства. Взгляд из Республики Узбекистан

Настоящий доклад был представлен Рафиком Сайфуллиным на семинаре в Фонде «Наследие Евразии» 8 апреля в рамках проекта «Новые независимые государства в Центральной Азии: политические аспекты глобализации и международного партнерства»

<http://eurasianhome.org/xml/t/expert.xml?lang=ru&nic=expert&pid=1517>

Рафик Сайфуллин,
Политолог, Ташкент

Сегодня всем очевидно, что проблемы безопасности в узком и широком смысле еще длительное время будут оставаться в центре внимания, как и перспективы геополитической мозаики в целом, хотя всего лишь 20 лет назад получил распространение тезис о необходимости отказаться от термина «геополитика» как устаревшем в новых условиях. Сейчас никто не оспаривает тесной взаимосвязи между вопросами безопасности и геополитики. Такая постановка темы представляется основной канвой предлагаемой статьи, в рамках которой будет предпринята попытка прокомментировать некоторые оценки, которые часто возникают в связи с позицией Узбекистана.

Общие замечания

Сложная и специфическая ситуация, сложившаяся в Центральной Азии (ЦА) после распада Советского Союза и появления в регионе новых независимых государств (ННГ), наложила отпечаток на всю внутреннюю и внешнюю политику молодой Республики Узбекистан (РУ). Стоит напомнить, что в этот период проявились многочисленные разногласия и противоречия как на национальном уровне в ННГ ЦА, так и в межгосударственных отношениях, которые сопровождались гражданской войной в Таджикистане, нескончаемым конфликтом в Афганистане, появлением первых трений в отношениях между ННГ ЦА по вопросам государственных границ, водно-энергетических

проблем. Кроме того, РУ, наиболее густонаселенная республика в регионе, тесно соприкасается со всеми зонами действующих и потенциальных конфликтов. К тому же необходимо было формировать принципиально новые органы государственной власти и управления, определять приоритеты в осуществлении экономических и социальных реформ.

Такая ситуация в решающей степени предопределила разработку стратегических направлений развития РУ, в основе чего лежит фундаментальное осознание узбекским руководством своей ответственности не только за будущее Узбекистана, но и всего региона в целом. По сути, в Ташкенте исходили и исходят из адекватного восприятия своей роли в качестве стабилизационного стержня всего региона с учетом своего географического положения, природных и людских ресурсов, исторического опыта. Очевидно, что такой подход с настороженностью воспринимался некоторыми внешними силами, однако нет сомнений, что изложенный принцип собственной ответственности в среднесрочной перспективе останется определяющим и поможет понять логику стратегии руководства РУ.

Вопросы безопасности

Фактически упомянутая логика в механизме принятия стратегических решений не претерпела принципиальных изменений вплоть до настоящего времени. Это, в частности, прослеживается на уровне разработки концептуальных подходов к решению вопросов безопасности. К примеру:

(1). В Узбекистане ранее, чем во многих других странах, заговорили о такой глобальной угрозе, как международный терроризм и религиозный экстремизм. Достаточно вспомнить, что еще в 1993 году на 48 сессии Генассамблеи ООН лейтмотивом выступления на ней Президента РУ И.Каримова был призыв объединить усилия в борьбе с нарастающей глобальной угрозой международного терроризма и религиозного радикализма. Тогда этот призыв был слабо услышан и ситуация принципиально изменилась после трагедии 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке.

Вместе с тем, в Ташкенте постоянно сохраняли и сохраняют последовательность в оценке угроз безопасности, в данном случае, терроризма. В качестве примера можно привести сложную ситуацию в Афганистане после выхода талибов к южным границам стран СНГ в 1996 году, когда даже некоторые соседние с РУ республики заняли позицию отказа от драматизации обстановки и даже готовности установить отношения с движением Талибан.

После серии террористических взрывов в Ташкенте в 1999 году руководство РУ оказалось в сложной ситуации, тем более что Исламское Движение Узбекистана (ИДУ) не скрывало своей агрессивности и все более срасталось с международными террористическими структурами, включая Аль-Каиду. В этих условиях, сопряженных с недостаточным вниманием международного сообщества к реальной угрозе, которая проявилась в крупных масштабах всего через полтора года, в Ташкенте уточнили концепцию самостоятельных действий на случай ухудшения ситуации. Были внесены существенные коррективы в

Концепцию национальной безопасности, была принята замена Военной доктрины на Оборонную и др.

Неудивительно, что с объявлением США войны терроризму Узбекистан активно включился в эту кампанию и, в частности, предоставил свою базу ВВС в Ханабаде во временное пользование ВС США. И сегодня РУ не умаляет угрозы терроризма и постоянно демонстрирует свою готовность активно участвовать в коллективных контртеррористических действиях мирового сообщества. В частности, оказывается значительное содействие НАТО, в данном случае ФРГ, для выполнения ими своих задач в зонах ответственности в Афганистане.

(2). Из других реальных внешних угроз в Узбекистане последовательно признают незаконный оборот наркотиков, их производство в Афганистане и транспортировку через ННГ ЦА.

(3). Другой постоянной угрозой для региона остается сложнейшая ситуация в Афганистане. Вне сомнений обстановка в этой стране еще очень далека от более менее приемлемой нормализации. Слабость центральной власти в Кабуле, постоянные междоусобицы, этнические и клановые распри и вражда между самими афганцами, повальная зависимость значительной части населения от производства наркотиков – все это лишь не полный перечень проблем, которые пока не под силу решить ни США, ни НАТО, тем более на фоне очевидных провалов в Ираке.

Проблема Афганистана вызывает серьезную озабоченность в Узбекистане не только в силу тесной географической близости с этой раздробленной страной, но и по ряду других причин. Есть мнение, что одной из ошибок США является форсирование искусственного создания демократических режимов в Афганистане по западным стандартам. Сегодня афганцам бесполезно навязывать абстрактные модели демократии, когда большинство населения даже не понимает, чего от них хотят. Во многом копируются ошибки, допущенные во время советского военного присутствия, в связи с чем нарастает неприятие Запада с его ценностями, религией и культурой, а в некоторых районах отмечается определенная ностальгия по России, даже среди бывших противников Москвы.

Однако, несмотря на эти очевидные обстоятельства, активных усилий по поиску на Западе оригинальной концепции реформирования афганского государства с учетом его традиций, менталитета и прочих факторов пока не наблюдается.

На этом фоне выдвигаемые в ряде экспертных групп в США идеи Большой Центральной Азии (имеется в виду рассматривать Афганистан в увязке с ННГ – бывшими советскими республиками) представляются очень преждевременными. Расширение состава участников Центральной Азии (не с географической точки зрения) чрезвычайно усложнит и без того пеструю региональную мозаику. Процесс становления институтов региональной интеграции еще далек от завершения, и несвоевременное расширение состава его участников не только усложнит ситуацию, но и принесет угрозу подрыва многих перспективных проектов, а также ненужных политических осложнений.

Противодействие угрозам безопасности

В Узбекистане глубоко убеждены в том, что ни одна из стран ЦА региона, как впрочем и ведущие внешние партнеры, не в состоянии самостоятельно справиться с перечисленными угрозами в достаточной мере. Впрочем, о необходимости сотрудничества говорят все политики и эксперты региона с поправкой на особую позицию Туркменистана. Однако основной вопрос заключается в выборе ННГ ЦА приоритетных форм такого сотрудничества, а также в том, как сами ННГ оценивают эффективность взаимодействия в борьбе с угрозами безопасности.

Благодаря принятым усилиям, в том числе на международно-правовом уровне с разной степенью успеха формируются контуры возможного коллективного сотрудничества, участниками которого являются ННГ на постсоветском пространстве, за исключением КНР. В этой связи можно сделать следующие комментарии.

СНГ. К сожалению, надежды на то, что Содружество может выполнить роль локомотива на постсоветском пространстве, в том числе в вопросах обеспечения безопасности, не оправдались. СНГ все более превращается в клуб для политических дискуссий и на современном этапе демонстрирует неспособность к практическим и эффективным коллективным действиям во всех отраслях сотрудничества. Тем не менее, СНГ как специфический международный институт еще не потерял свою актуальность. Для участников СНГ это не только возможность обозначить свою позицию, но и удобный способ находить партнеров и формы сотрудничества между собой либо на двусторонней основе, либо в рамках других организаций, членами которых они являются в более узком составе.

ШОС. Организация, безусловно, демонстрирует свою амбициозность, прежде всего, Китай, и не лишена перспектив с учетом складывающейся геополитической картины. Однако даже сформированные в рамках ШОС коллективные органы управления пока не означают того, что все участники ШОС располагают унифицированным подходом к будущим приоритетам организации. За исключением показательных военных учений, главным образом с участием России и Китая, ШОС до настоящего времени мало чем себя зарекомендовала в организации коллективного противодействия терроризму, наркотрафику и другим угрозам на практике.

Несмотря на создание в рамках ШОС Региональной антитеррористической структуры (РАТС), ее деятельность также пока малоэффективна. Видимо, на данном этапе в деятельности РАТС должна превалировать такая форма сотрудничества, как обмен информацией по лидерам и участникам террористических и сепаратистских группировок, международных наркогрупп. Однако даже в рамках этого узкого направления сотрудничества ШОС сталкивается с техническими вопросами и объективно различными целями и задачами, которые ставят перед собой участники РАТС.

ЕврАзЭС. Молодая и в принципе перспективная организация, однако функционально в ней доминируют вопросы экономического сотрудничества. Хотя эффективное и своевременное решение подобных вопросов может позитивно повлиять на снижение остроты

социальных и экономических проблем на национальном уровне в одной отдельно взятой стране, что также позволит укрепить в них внутреннюю безопасность и стабильность.

ОДКБ. Функционально эта организация больше остальных нацелена на обеспечение безопасности. Однако многие организационные, управленческие вопросы затруднены широкой географией участников ОДКБ, а также объективным различием в подходах к тому, какие из угроз для безопасности должны быть признаны главными.

Позиция Узбекистана

Первый и не всегда удачный опыт сформированных перечисленных организаций стал серьезной причиной тому, что руководство Узбекистана в своем сотрудничестве с внешними партнерами отдает приоритет развитию партнерства на двусторонней основе. Это соответствует Закону РУ «О внешней политике», согласно которому Узбекистан отказывается от участия в членстве в каком либо военно-политическом блоке, союзе или альянсе.

Этот принцип не имеет ничего общего с принципом нейтралитета в Туркменистане, и Узбекистан является участником ряда организаций, включая все перечисленные. При этом принимается во внимание, что эти организации не являются классическими военно-политическими союзами или альянсами, наподобие НАТО, а ранее Варшавского Договора.

К примеру, этим объясняется временный выход РУ из ОДКБ, который был подписан в Ташкенте в 1992 году, в том числе по инициативе Узбекистана, что объяснялось обеспокоенностью в связи с ухудшением и неопределенностью обстановки в Афганистане после вывода советских войск. После прихода к власти администрации Президента РФ В.Путина становилось все более очевидным, что каких-либо новых попыток придать ОДКБ характер будущей основы для изменения военно-политической конфигурации в СНГ не ожидается в принципе, Узбекистан возвратил свое членство в ОДКБ, решение о чем было ратифицировано Сенатом РУ в марте 2008 года.

Во многом по схожей причине этим объясняется и выход РУ из ГУУАМ, когда усилились внешние попытки сформировать из этой организации некий политический противовес растущему политическому авторитету России. Надежды РУ на получение сугубо экономических дивидендов от участия в ГУУАМ не оправдались, что в совокупности стало причиной выхода Узбекистана из ГУУАМ.

Необходимо принимать во внимание, что Узбекистан во многом рассматривает свое участие в международных организациях на постсоветском пространстве в качестве возможности расширять взаимовыгодное сотрудничество на двусторонней основе и создавать новые направления. К сожалению, практика показала, что даже узкий круг (3-4 страны) участников перспективных проектов в СНГ не работает или работает неэффективно. Поэтому договоры на двусторонней основе более оперативны, продуктивны и поддаются контролю, в то время как стремление найти решения в широком составе, как правило, превращается в «говорильню».

С этой точки зрения, показательны динамично развивающиеся отношения РУ с РФ. Как известно, в т.н. «ельцинский» период отношения между двумя странами ограничивались заявлениями о благих намерениях, но также и взаимными упреками. Было потеряно время и упущены перспективные возможности. В настоящее время ситуация принципиально меняется. В соответствии с договоренностями двусторонние российско-узбекские отношения приобрели не просто статус партнерских, а союзнических.

Есть основания полагать, что такое положение в настоящее время устраивает обе стороны. Этим объясняется то, что вопросы обеспечения национальной безопасности, включая гарантии взаимопомощи в Узбекистане, связаны, прежде всего, с надеждой на Россию. Такое положение отражает совпадение позиции руководства РУ с мнением абсолютно подавляющей части населения Узбекистана.

На фоне не всегда благополучных связей Узбекистана с рядом соседних республик РУ не видит реальной возможности тесного двустороннего сотрудничества с ними в военно-технической области, тем более что ресурс этих небольших республик не отвечает потребностям Узбекистана. В связи с этим в области обеспечения боеспособности ВС РУ на нынешнем этапе ставка делается на Россию, что предполагает поставки вооружения, технологий и сотрудничества в подготовке и обучении кадров.

Подтверждением этому служит наиболее тесное и продуктивное сотрудничество (не сопоставимое с кем-либо) Узбекистана с Россией. Можно предположить, что такая ситуация сохранится на среднесрочную перспективу при условии продолжения новым руководством России ранее занятой позиции в отношении Узбекистана.

Несмотря на очевидный приоритет, который РУ отдает РФ, Ташкент стремится аккуратно диверсифицировать свое сотрудничество с другими странами. Наиболее успешно такое сотрудничество развивается с ФРГ, воинский контингент которой имеет возможность использовать южный узбекский город Термез и его инфраструктуру в качестве перевалочного пункта для своих военнослужащих, дислоцированных в Афганистане. Примечательно, что такие отношения ни у кого не вызывают отторжения, тем более что военно-политическое сотрудничество между РУ и ФРГ подкрепляется обоюдным стремлением развивать торгово-экономические связи, включая поиск направлений для реализации инвестиционных программ со стороны Германии.

Особо стоит вопрос о сотрудничестве РУ и США, военно-политический аспект которого получил серьезный импульс в начале контртеррористической операции в Афганистане. В Узбекистане рассчитывали на то, что наряду с разгромом талибов при помощи США в Афганистане будет наведен порядок и появятся первые признаки стабильности. Однако этого не произошло. Для США использование узбекской базы в Ханабаде было чрезвычайно выгодно для решения задач в Афганистане, однако становилось ясно, что свое военное присутствие в Узбекистане Вашингтон стремится использовать с далеко идущими геополитическими целями.

В целом США допустили ряд видимых ошибок. Среди них: (1). В Вашингтоне не почувствовали разочарования по поводу несбывшихся надежд РУ на массивную материально-финансовую помощь из США. (2). В Вашингтоне переоценили степень

зависимости стран региона от политической воли США, командный стиль которых все больше вызывал явное и скрытое раздражение. (3). Война в Ираке также оказала негативное влияние на имидж американцев, которые настойчиво предлагали Узбекистану принять в ней участие. (4). В США недооценили того, что связи между РУ и РФ оказались не только не утраченными, но, напротив, востребованными и требующими лишь модернизации.

Во многом по этим причинам «медовый месяц» в отношениях между РУ и США закончился также быстро, как и внезапно начался. США попросили покинуть узбекскую базу ВВС, американцы вновь запустили в риторику обвинения в отсутствии в РУ демократии и прав человека, а события в Андижане дали США хороший повод, чтобы настроиться против Узбекистана ЕС и НАТО, с чем, впрочем, не были согласны в ФРГ. Однако Германия даже в качестве председателя ЕС осталась в меньшинстве.

Все это привело к серьезному охлаждению двусторонних отношений, от которого никто не выиграл и не проиграл. Есть ряд признаков, по которым можно сделать вывод, что двусмысленность такого положения все больше не устраивает американцев, которые поняли, что потеряли в лице Узбекистана достаточно надежного партнера. На протяжении последних 6 месяцев США предпринимают аккуратные шаги, чтобы придать отношениям с РУ новое качество. Во всяком случае, блиц-визит Командующего Центркома ВС США в Ташкент подтвердил этот вывод. Уже есть первые шаги навстречу друг другу, в частности, предоставление Узбекистаном своего воздушного коридора для доставки в Афганистан грузов, но исключительно гуманитарного характера, и только силами ВВС Германии. Однако говорить о том, что стороны (прежде всего Узбекистан) готовы восстановить военно-политическое сотрудничество в прежнем объеме, пока преждевременно.

В основе этого лежит угроза стать жертвой геополитических игр, а также перспектива потери части суверенности и независимости, с чем в Узбекистане решительно не согласятся.

Наряду с внешними факторами нельзя сбрасывать со счетов внутрирегиональные проблемы, которые, скорее, являются не угрозой, а вызовом. Прежде всего, это проблема рационального использования водно-энергетических ресурсов. Вопросы границ и все, что с этим связано, на этом фоне уходят на второй план.

Среди внутринациональных проблем можно выделить все, с которыми сталкивается каждая страна в отдельности: социальное расслоение, клановость и местничество (регионализм), бедность, ограниченные ресурсы для реализации крупных проектов (поиск внешних инвесторов), религиозный фактор (радикализм).

При этом если вопросы социально-экономического плана могут постепенно быть решены на национальном уровне, а расширение круга внешних инвесторов во многом вопрос времени, то проблема экстремизма, особенно на религиозной основе в целях внутренней стабилизации, могут потребовать и методы оперативного силового давления. Примером могут служить события в Андижане, где правительство самым решительным образом подавило вооруженную вылазку смеси из исламских радикалов, наркодельцов и уголовников.

Сожалея о многочисленных жертвах, все же необходимо признать, что население в своей основной массе с растущим пониманием воспринимает, к каким последствиям могли

бы привести беспорядки в Андижане и не только для Узбекистана, если бы не жесткое подавление их зачинщиков.

Примечательно, что такое силовое давление в отношении террористов и в целях стабилизации ситуации нашло понимание во многих странах, в том числе и поддержку в России, что также во многом предопределяет еще более тесное сближение наших стран.

Идеология партнерства

Популярный тезис о необходимости решения проблемы многовекторности в качестве базисной посылки в процессе разработки идеологии партнерства при всей своей значимости не представляется основным.

Очевидно, что многовекторность фундаментально разрабатывается либо в официальных кабинетах и обслуживающих их аналитических центрах, либо проявляется стихийно как реакция на меняющуюся ситуацию и сопутствующие ей действия внешних сил. Видимо, первое себе могут позволить крупные и самодостаточные государства и политические блоки, которые в решающей степени формируют основные тенденции развития как на глобальном, так и региональном уровнях.

Другие, менее влиятельные, члены мирового сообщества такой возможности лишены, прежде всего в силу ограниченности национальных ресурсов. Однако все чаще многие из них прибегают к разработке своей идеологии партнерства, формируя собственное видение многовекторности. Но на практике этим зачастую прикрывается хаотичное метание на внешнем поле в условиях быстроменяющейся обстановки. Этим «грешат» и некоторые малые страны ЦА региона.

В Узбекистане до настоящего момента в принципе отказывались от такого подхода и если термин «многовекторность» редко использовался, то в рамках несколько иной дефиниции, а именно – выстраивание задач по принципу приоритетности и первоочередности. В целом, идеология партнерства в РУ основана на следующих основных принципах:

Во-первых. Выбор партнера, определение степени партнерства и основные направления партнерства напрямую зависят от собственных национальных интересов. Это требует правильного подхода в определении совпадающих интересов у потенциальных партнеров.

Во-вторых. Определение актуальных национальных проблем, а также адекватных проблем у других стран, для решения которых требуется сотрудничество с внешними партнерами. Очевидно, что при таком подходе это может быть либо один, либо несколько партнеров, что при желании можно охарактеризовать как многовекторность. Но это не совсем так, поскольку речь идет о партнерстве для решения конкретной проблемы.

В-третьих. Многоуровневый подход при определении партнера. На практике зачастую устойчивое партнерство в одной области может сочетаться с разногласиями и противоречиями в других областях.

Безусловно, такое партнерство на основе изложенных принципов не всегда долгосрочно и поэтому может восприниматься скептически и критически. Однако суть такого подхода заключается в том, что «партнерство не ради партнерства», а для достижения определенной цели на определенном этапе и в определенный промежуток времени. Подобная постановка позволяет лучше понять идеологию партнерства, реализуемую Узбекистаном, и глубже вникнуть в их логику для оценки тех действий, которые были предприняты ранее и предпринимаются в настоящее время.

Часто можно слышать комментарии по поводу «узбекских векторов», которые во многом увязываются с географией визитов главы РУ или их частотой. Но такой подход не совсем корректен. Визиты в Россию и Турцию, страны ЕС и Японию, Китай и Малайзию, Южную Корею или страны Арабского Востока. Все это вовсе не означает, что есть некая замысловатая многовекторность. На самом деле, речь может идти о поиске партнеров для решения конкретной задачи. Узбекистан, как и другие страны региона, все еще набирается опыта в развитии своих отношений с нетрадиционными партнерами, для чего 16 лет независимости, видимо, не вполне достаточен.

Вместе с тем, такая ситуация накладывает свой отпечаток на процессы обоснования и формирования структуры регионального партнерства, которое сегодня складывается далеко не просто. Существуют серьезные расхождения в позициях стран по большей части проблем, имеющих региональное значение. При этом никто не отрицает наличия таких проблем, но по-разному оценивают их причины и возможности решения. В основе этого лежит ссылка на национальный интерес и растущую национальную самобытность. В конечном итоге все соглашается с тем, что необходимо стимулировать интеграционные процессы, которые большинство воспринимает в форме неких объединительных процессов.

В Узбекистане же превалирует мнение о том, что интеграция на данном этапе должна восприниматься в качестве взаимодействия для решения конкретных вопросов. Продвижение по такому пути в дальнейшем само подскажет формы нового качества интеграции.

Однако очень многие инициативы и связанные с ними многосторонние проекты появлялись в виде «мертворожденного дитя» во многом из-за пресловутой проблемы многовекторности, принципа, практикуемого в ряде соседних с Узбекистаном республик. Как показала практика, самостоятельно или даже объединив свои усилия, ННГ ЦА не в состоянии реализовать многосторонние взаимовыгодные проекты как основы интеграции практически в любой сфере.

В этой связи не в полной мере оправдали себя попытки формирования Центральноазиатского экономического сообщества, а в его рамках ЦА банка, создания водно-энергетических и других консорциумов; обеспечения свободного взаимного доступа к СМИ и другим открытым источникам информации.

На фоне сохраняющейся практики традиционного решения актуальных вопросов путем краткосрочных двусторонних договоренностей постоянно возникает вопрос: а нужна ли вообще региональная интеграция, пусть и в форме взаимодействия путем совместной реализации многосторонних проектов?

В Узбекистане считают, что необходима, но в виде последовательной реализации конкретных «цивилизационных проектов». Об этом свидетельствует и состоявшаяся в Ташкенте в марте 2008 года международная конференция по проблемам Арала. Очевидно, что тема, предложенная Узбекистаном, была актуальной и политически корректной. Но политизации избежать не удалось, о чем свидетельствует и различный уровень представительства на конференции из разных стран региона.

Этот свежий пример, как и многие другие, достаточно ясно продемонстрировал необходимость наличия «локомотива», интеграционных проектов в регионе. На вопрос, кто может выполнить такую роль, можно ответить, что пока только Россия.

В доказательство этому можно привести и примеры успешного взаимодействия под российским «зонтиком». В частности, в военной сфере развивается традиция проведения в регионе командно-штабных учений с участием Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана.

Фактическое создание ассоциации газопроизводителей с участием Туркменистана, Казахстана и Узбекистана, которые при поддержке и помощи «Газпрома» способны заполнить существенные дивиденды за счет расширения поставок газа на мировые рынки.

В любом случае, подобные проекты в перспективе могут создать крепкую основу для многостороннего партнерства, но не в форме лозунгов, а в реальной действительности. Похоже, что такая концепция партнерства вызывает растущий интерес у таких потенциальных «локомотивов» для решения конкретных региональных проектов, как Япония и США. В любом случае представляется, что такое направление в развитии регионального сотрудничества и партнерства имеет свою перспективу.

С учетом изложенного, можно предложить и более широкое толкование понятия «альтернативность». Безусловно, что есть множество примеров, когда приоритет, всецело отданный одному внешнему партнеру, не имеет иной альтернативы (взаимоисключение). Но накопленный, пусть пока и небольшой опыт, в том числе с учетом предложенных принципов и подходов позволяет рассматривать альтернативность в качестве взаимодополнения.

К примеру, очевидная ориентация того же Узбекистана на сотрудничество с Россией в области разведки, добычи и транспортировки углеводородов не исключает перспектив участия в этом процессе Китая, Японии и Кореи. Их целью просто не может быть вытеснение России из РУ, но у компаний этих стран есть конкретные возможности вложения инвестиций в эту отрасль в Узбекистане. В данном случае альтернативность, как взаимодополнение, объективно всем на руку и никого не ущемляет.

В любом случае, весь комплекс вопросов, связанных с идеологией партнерства, еще долгое время может оставаться темой для дискуссий, что позволит разработать широкую и многоаспектную концепцию по данной проблеме, которая пока в оформленном виде отсутствует во многих странах, что зачастую приводит к ошибочным решениям вопроса выбора партнера.

Зачастую социально-политические аспекты при анализе внешней ориентации страны увязываются с позицией представителей или групп из числа национальной элиты. Национальная элита, как она традиционно воспринимается, в Узбекистане еще находится в стадии формирования. То, что именуется политической, бизнес и интеллектуальной элитой в РУ представлено, точнее сказать, отдельными авторитетными лицами, которые имеют возможность оказывать определенное влияние на общественное мнение и в меньшей степени на власть.

В Узбекистане традиционно действуют несколько известных фамилий (династий), которые уважаемы и авторитетны. Но это отнюдь не всегда означает, что представители таких фамилий входят в ту прослойку, которую принято называть элитой. В общественном мнении элитарность воспринимается как близость к лидерам в политике, экономике или известным интеллектуалам.

Причем такая элитарность носит многоуровневый и очень часто временный характер. В политике: от окружения Президента и далее по цепочке вплоть до окружения руководителя районной администрации (хокима). В экономике: от окружения наиболее успешных бизнесменов и окружения государственных чиновников в сфере экономики вплоть до окружения базаркома (директора крупного рынка – базара). В интеллектуальной среде: от окружения известных ученых, деятелей культуры и соответствующих государственных чиновников вплоть до окружения заведующего кафедрой в областном ВУЗе.

Сферы влияния таких представителей элиты, несмотря на их уровень, достаточно ограничены. В условиях сильной президентской власти трудно говорить о наличии в Узбекистане устойчивых элитарных групп со своими многолетними традициями и уж тем более об их возможности оказывать решающее влияние на принятие решений. Представители т.н. элиты отдают себе отчет в том, что «их время» может быстро и неожиданно закончиться и тогда вся пресловутая элитарность ограничится рамками улицы или махали (традиционная организация граждан, проживающих в одном микрорайоне), хотя и будет сопровождаться уважением со стороны близких и знакомых. Принцип «когда у тебя есть хоть какая-то власть и финансы – тебя уважают, когда ты это теряешь – тебя быстро забывают» служит одной из главных причин отсутствия в Узбекистане устойчивых элит.

Поэтому, если та или иная группа претендует на элитарность, она будет постоянно подчеркивать свою лояльность руководству страны, которое, по сути, и определяет и формирует национальную элиту. Тем не менее, представители, пусть и временные, элитарных групп имеют свои интересы и для их достижения стремятся постоянно демонстрировать свою преданность на своей ступеньке элитарной иерархии, и чем успешнее они это доказывают, тем выше поднимаются по этой лестнице, что дает возможность расширять собственные интересы и способы их достижения.

Интересы представителей элитарных групп, как правило, имеют личностную мотивацию. Это не всегда сугубо меркантильный интерес, хотя, как и во всех ННГ ЦА является преобладающим. Стремление закрепиться в элите часто становится следствием

амбициозности и тщеславия и в таком случае не всегда обусловлено стремлением внести свой вклад в обеспечение интересов государства и общества в целом.

В такой ситуации представители элиты ищут возможных внутренних партнеров не только в своей среде или на своем уровне, но и за ее пределами. Это уже основа для формирования групп по корпоративным интересам. Руководство Узбекистана адекватно оценивает такую ситуацию. К примеру, поддерживаемая Президентом И.Каримовым молодая Либерально-демократическая партия Узбекистана (УзЛиДеП), занимающая сегодня ведущие позиции в законодательной системе, призвана консолидировать эти растущие корпоративные интересы в рамках общенациональных интересов. При этом достигаются две цели: (1) ограничение влияния клановых, родственных, местнических группировок и (2) стимулирование формирования и развития на этой основе принципиально новой элитарной среды в Узбекистане. Задача, безусловно, перспективная, но весьма сложная, что потребует времени для формирования качественно нового мышления и традиций, особенно в молодежной среде.

В то же время представители элитарных групп не ограничиваются поиском внутренних партнеров. Многие из них активно работают на внешнем поле для достижения своих интересов, характер и структура которых и, соответственно, способы достижения существенно отличаются.

Если представители политической элиты стремятся безукоризненно соблюдать установки руководства РУ, что порой лишает их проявления инициативы и творческого подхода, то бизнес-элита и интеллектуальная среда в этом смысле более самостоятельны и располагают намного большими возможностями, но гораздо чаще рискуют столкнуться с трудностями в развитии внешнего партнерства.

При этом часто просматриваются даже различия в интересах политической и бизнес-структур, однако при этом все ведут себя корректно именно в целях обеспечения своих интересов. К примеру, в условиях достаточно прохладных отношений между РУ и РФ в период Б.Ельцина узбекский бизнес продолжал не только сохранять свой бизнес с партнерами в России, но и успешно находил возможности для его расширения. Примерно такая же ситуация складывается в настоящее время в отношениях между Узбекистаном и Великобританией. И наоборот, в условиях, в тот период еще сохранявшихся весьма благоприятных политических отношений между РУ и США, разгорается скандал вокруг американской золотодобывающей компании Ньюмонт. И таких примеров много. Но политические и бизнес-элиты стремятся, если не консолидировать свои интересы, то хотя бы не допустить их критического пересечения.

Структуры влияния на внутреннюю и внешнюю политику РУ расплывчаты и слабо развиты. К примеру, институт лоббизма, принятый на Западе, в Узбекистане не имеет своих традиций и исторических корней. Это не означает, что нет попыток оказать влияние на власти со стороны тех же представителей бизнес-элиты. Однако они осуществляются в традиционных формах (использование родственных связей, знакомств, подношений и прямого подкупа, что во многом порождает коррупцию). При этом, как правило, не

принимаются во внимание общенациональные интересы, а сами такие действия преследуют конкретные и очевидные субъективные цели.

Также слабой представляется роль неправительственных организаций (НПО), которые, как и другие институты гражданского общества, еще проходят стадию своего становления. Узбекистан, как и другие ННГ на постсоветском пространстве, столкнулся с проблемой, когда использование НПО внешних финансовых источников приводило к тому, что они перерастали в инструментарий зарубежных партнеров в целях оказания влияния на Узбекистан вплоть до попыток организации очередной «цветной» революции. Жесткая позиция и противодействие руководства РУ таким намерениям также были использованы отдельными западными кругами для нагнетания антиузбекских отношений. Ситуация вокруг НПО в РУ остается вялотекущей. Если раньше в условиях солидной финансовой подпитки из-за рубежа был стимул для роста НПО и привлечения к ним молодых и энергичных граждан, то сегодня в системе НПО себя проявляют, как правило, бескорыстные энтузиасты со значительным стажем работы по формированию гражданского общества.

В РУ есть нормативно-правовая база, регламентирующая деятельность системы НПО, их права, возможности и функциональные рамки. Но, по всей видимости, уже просматривается необходимость модернизации правил материально-финансовой поддержки НПО. В этом случае появится больше эффективных НПО, которые будут позиционировать себя не в качестве недовольных вольнодумцев (что в нынешних условиях бесперспективно), а в качестве партнеров государства и таким образом влиять как на внутреннюю, так и на внешнюю политику.

Социальный аспект играет чрезвычайно важную роль в развитии партнерства, прежде всего с Россией. В общественном мнении, что подтверждают многочисленные социологические исследования, глубоко сидит убеждение в том, что дружить надо со всеми, но в первую очередь с Россией (в среднем более 70% населения).

Такой подход в последнее время все чаще объясняется популярной темой трудовой миграции. В условиях переизбыточности трудовых ресурсов в Узбекистане, для многих, особенно низко квалифицированных граждан РУ, Россия – своеобразный Клондайк.

Однако сводить всю гамму узбекско-российских отношений исключительно лишь как к возможности поиска заработка в России было бы некорректно и необъективно. Вне всяких сомнений РУ и РФ в социальном плане объединяют исторические, традиционные и разветвленные гуманитарные связи. Достаточно заметить, что среди всех внешних партнеров Россия играет безоговорочно доминирующую роль на информационно-культурном поле Узбекистана.

Примечательна еще одна тенденция. В Узбекистане реализуется многоступенчатая общенациональная образовательная программа, что чрезвычайно важно для республики, более половины населения которой составляет молодежь до 20 лет. Но при этом в конце 1990-х материально обеспеченные семьи стремились отправить своих детей на учебу в престижные западные учебные заведения. Эта тенденция сохраняется и сегодня, но в качестве альтернативы (взаимодополняющей) растет тенденция получить образование в

ведущих ВУЗах России. По всей видимости, в ближайшее время такая тенденция будет только поощряться.

Партнерские отношения с участием России и без нее

В такой постановке прослеживается альтернативность по принципу взаимоисключения. В условиях глобализации такой подход представляется маловероятным даже для мировых центров силы или отдельных стран, чьи лидеры чрезмерно переоценивают свою значимость, что в конечном итоге грозит им либо частичной, либо полной изоляцией.

Для Узбекистана такой подход в принципе не приемлем. В нынешних условиях по понятным и изложенным причинам Узбекистан подчеркивает свои внешние приоритеты в лице России, что вполне соответствует духу установленных союзнических отношений между двумя государствами. Однако в Узбекистане и не скрывают, что наряду с Россией намерены развивать сотрудничество вплоть до уровня партнерства со всеми заинтересованными в этом странами. Более того, поддерживается диалог даже с теми государствами, чье руководство, мягко говоря, проявляет нелояльность к РУ. Со многими изучаются перспективы сотрудничества в самых различных отраслях и направлениях.

В этой связи наиболее вероятный сценарий выстраивания партнерских отношений со стороны Узбекистана на среднесрочную перспективу представляется следующим:

1. Общая стратегия и принципы внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности Узбекистана не претерпят качественных изменений.

2. Приоритет сохранится за Россией, в случае если новое руководство РФ будет продолжать прежнюю стратегию, основанную на безусловном взаимном признании равноправия. Доминирование России в Узбекистане, как и в регионе в целом, обусловлено рядом объективных причин и, прежде всего, динамично развивающимся сотрудничеством в военно-политической сфере, а также жизненно важных для РУ отраслях экономики. Все это подкрепляется тесными гуманитарными связями. Маловероятно, что в среднесрочной перспективе кому-либо удастся кардинально изменить эту тенденцию.

3. Присутствие России не мешает развивать альтернативные (взаимодополняющие) направления сотрудничества и поиск партнеров для реализации двусторонних и многосторонних проектов в экономике. Более того, эти процессы уже идут и развиваются не в ущерб узбекско-российским отношениям.

4. Наконец, в среднесрочной перспективе трудно ожидать, что одна из стран региона будет способна стать лидером в ЦА, и не потому что нет желающих, а потому что другие могут с этим не согласиться.

В целом, можно с высокой степенью утверждать, что предложенный сценарий будет оправдан, если ключевыми поведенческими принципами участников партнерства станут умеренность, взвешенность и сбалансированность.